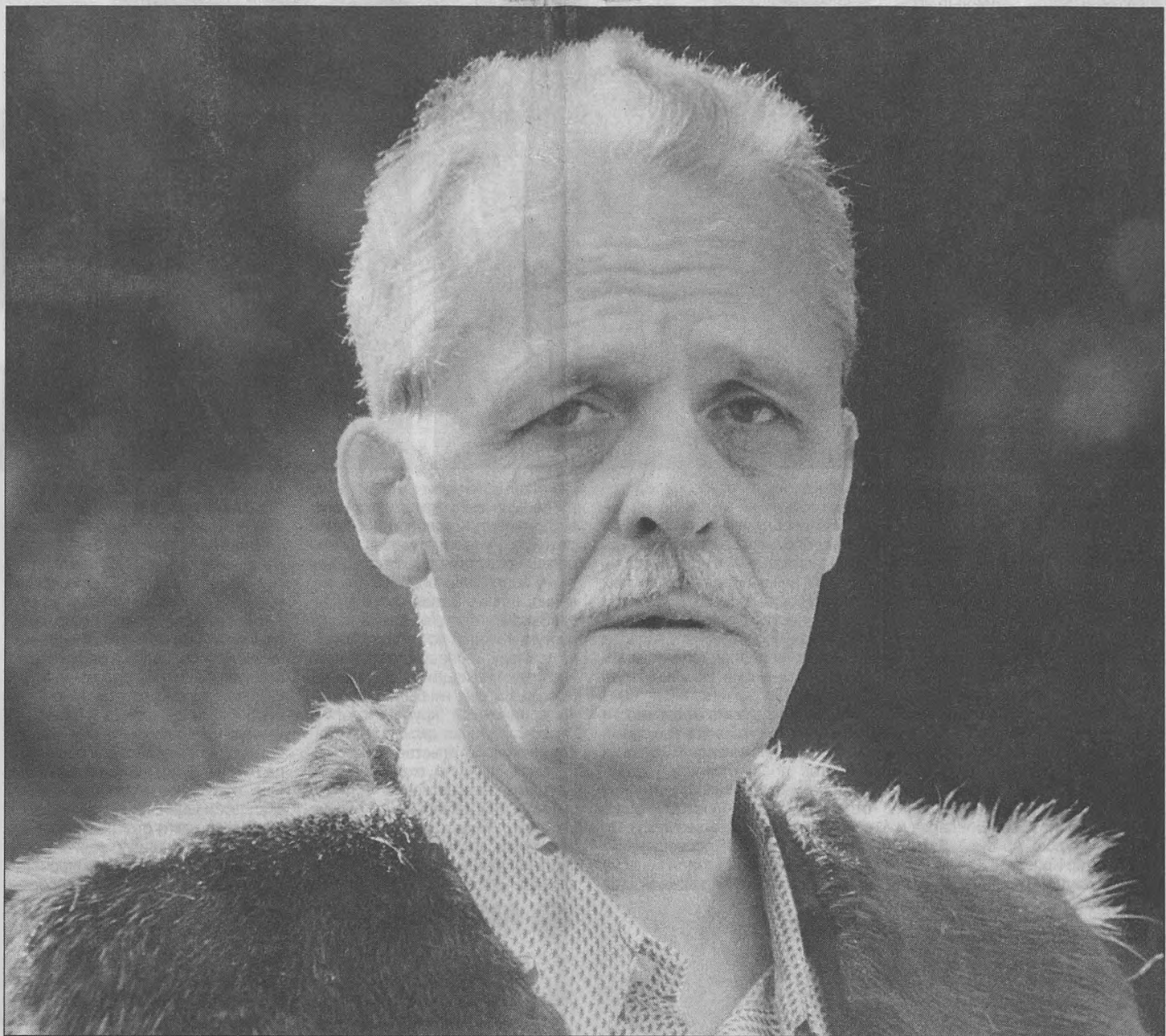

НА РУБЕЖЕ СТОЛЕТИЙ

Прощай, Россия!

Борис ВАСИЛЬЕВ

кусок са. Каждому – по кусочку.

Это – голод тридцатых годов. Когда я попробовал написать о нем в автобиографической повести "Плетя мои кони" (название не мое, у меня эта повесть называлась "Взбежать на холм и отдохнуть в траве"), но Б.Н. Полевому оно не понравилось), все упоминания о великом голодоморе тридцатых безжалостно вычеркнула цензура на том основании, что не было объявлено о создании "Комитета по борьбе с голодом". А коли не было комитета, то, стало быть, не было и самого голода. Подобная этой ложь сопровождала советскую власть, как тень сопровождает сущность предмета. У нас не было даже Ашхабадского землетрясения, а так, только его тень.

У нас в семье никогда не повышали голоса друг на друга и никогда не ругались. Самым страшным ругательством отца было "шляпа!", а он прошел четыре войны. А мама не могла выговорить даже слова "дурак". И очень огорчался, когда я приносил его в школу.

Меня готовили в школу так, как готовили бы в гимназию. Я умел читать и писать, знал все четыре правила арифметики, имел представление об астрономии, географии, литературе, истории, знал много стихов, потому что обязан был встречать отца со службы новым четверостишием каждый день. И в начальной школе мне нечего было делать, но я аккуратно сидел до большой перемены. На ней выдвигали тоноусенский кусочек хлеба с конопляным маслом, иногда даже чуть присыпанный сахаром. Я съедал эту пайку и бежал. В Лопатинский сад или на Блонье, к Днепру или на Крепость, которую любил и знал до последнего зубца.

Вероятно, я принадлежу последнему поколению России, которую мы потеряли, и первому – Советского Союза, который мы получили взамен. Но получили с верой в невероятно светлое будущее. В то самое Беловодье, в которое верили отчаянные русские мужики, срывавшие с мест в поисках хлеба и земли, а мы – оккупированного Беловодья, где люди – странники рассказывали – уважают друг друга.

Вспомните знаменитый русский вопрос: – Ты меня уважаешь? – Он нас угадывал там же в каком Лихтенштейне или герцогстве Люксембург, не говоря уж о прочих европейских царствах и государствах. Это – наше достояние. Русское. Оплаченное тысячелетним рабством. Вглядитесь в нашего орленка-табака, в свое время привезенного из Византии. Его развернутые головы смотрят отнюдь не на Запад и Восток, как то нам вдалбливали в школе, потому что во время принятия герба Русь располагалась только в Европейской части. Они смотрят на два основных сословия – на рабов и рабовладельцев. И символизируют две культуры Руси – массовую культуру крепостного крестьянства, получившую в конце XIX века название деревенско-крестьянская, и культуру господ, именуемую дворянско-городской.

В полном соответствии с главными российскими герба эти две культуры смотрели в разные стороны. Схватка меж ними за господство, спровоцированная и организованная большевиками, и есть наша самая длительная и самая кровавая за всю историю человечества Гражданская война.

Но не она погубила Россию. Она нанесла ей тяжелейший удар, но Россия могла устоять и выправиться. Однако эта Гражданская война имела длительное – вплоть до смерти Сталина – продолжение в иной, скрытой фазе. В беспощадном терроре, который обрушила власть большевиков на обе культуры Руси одновременно. То, что не добил меч, распустил молот ЧК-НКВД-МГБ.

Большевики обезглавили российский герб.

Ради чего? Сотворения нового мира? Всобщей справедливости? Счастья народов, населяющих нашу землю? Блажен, кто верует... Вспоминаю, как во время ссылки в Шуйское Ленин – страшный охотник – отправился поохотиться во время разлива, одолжить лодку. И очень скоро вернулся обратно: лодка была полна убитых зайцев. Их раздавали соседям и знакомым, друзьям и не очень, их жарили и парили, а зайцы все не уменьшались.

Оказывался, будущий величайший мундштук всех времен и народов перестрелял ушастьев на острове, где они спасались от разлива. Просто перезарядил и стрелял, перезарядил и стрелял, пока не переловил всех. Вот такой дед Мазай. Видимо, ему нравилось смотреть, как течет кровь. Или слушать, как кричат needyные зайцы. Слабо было гения.

Ленин не любил русской природы. Он любил подстриженные газоны Швейцарии. Правда, там нет бестолковых зайцев.

Ленин не любил и русского, романтически бестолкового народа. Он любил немецкий орду, немецкий порядок, немецкую порядочность и немецкое трудолюбие. А еще он любил власть. У него был фрейдистский комплекс Наполеона. То есть комплекс мужчин маленького роста, обидный комплекс неполноценности.

Первую мировую войну, не без основания объявленную на его родине Второй Отечественной, Ленин провел в тихой, спокойной и сытой Швейцарии. Он быстро понял, какой скотозначный шанс дала ему история. Этот шанс невероятно возрастал при условии, что Россия пригрозит эту Вторую Отечественную, а

Васильев Борис
14.9.2000.
Культура. – 2000. –
14-20 сент. – с. 14

Русский двуглавый орел всегда приковывал мое внимание. С той обязательной мерой тихой грусти и почтения, с какой смотрят на великие памятники.

Это – не герб. Это величественный памятник культуры, исчезающий на моих глазах.

Любой человек – олицетворение триединства. Он соединяет в себе прошлое, настоящее и будущее. Своих родителей, себя самого и своих детей. Христианство почерпнуло триединство из этой сути человека. И сделало сакральным, чтобы вдолбить в наши головы естественный закон бытия.

Без прошлого нет настоящего, потому что нет Сына.

Без настоящего невозможно будущее, потому что некому передать Завет.

А если его нет, этого Завета? Если он заменен построением счастья вне человека, а не внутри его? Тогда Завет замещается в душе его синоусекундным распоряжением, приказом, умозрительной идеей, до которой нет дела никакой отдельно взятой семье. Тогда будущему передает не Завет, как надо жить, а правила, как надо выживать. И исчезают граждане, и остаются люди, которым не нужно рисковать жизнью, чтобы отстоять Завет для застрявших поколений, а нужно просто воспользоваться моментом, чтобы что-то продать, а что-то купить. Себе, ибо Я замещаю Отечество. Оно делается ненужным и даже обременительным, потому что требует моих личных сил, средств, а то и жизни. А отдавать ЭТО я не желаю. Я не посвящаю в рыцари без страха и упрека, я весь – безупречный страх.

Когда безупречный страх начинает превышать определенный процент населения – нация обречена. Не народ – народ нигде не денется! – а НАЦИЯ, которая может существовать только в Отечестве своем. По этой причине исчезли великие державы, и римляне становились итальянцами, древние греки – жителями Пелопоннеса, а строители пирамид – сородичами египтянами. Они остались народом, способным к воспроизводству, но нации исчезли в пучине времени.

Это – не вступление и не предисловие. Это – заглавие погребальной песни.

Двуглавый орел России – не герб, а символ. Не был ли мощи, а было устройство российской нации. Каждая глава этого орла олицетворяет собою стороны российской жизни, которая могла существовать, только опираясь на присутствующую ей культуру. Но тело орла было единым, равно как его сердце и душа. Это единство формы питало внутреннюю энергию русскую нацию. Внутренняя энергия давала тот избыток агрессии, которая обеспечивала поступательное духовное развитие, именуемое прогрессом. Его двигателями являются наиболее агрессивные таланты нации.

Ежегодно самые агрессивные представители человеческого общества Нобелевской премией. Точно так же, как наиболее агрессивные представители нации награждаются премиями государств, институтов, обществ, академий.

Всякое явление двукратно, как Янус: мир вообще устроен биполярно. Расхожий, привычный, вынужденный нам с детства и затасканный прессой лик ужасен. Он свет смерти и разрушения, голод и мор, террор и насилье. Это – лик смерти. Его носители опоясаны мечом и освещены заревом пожаров. Именно поэтому родители с детства страдают нас им, редко упоминая, что у бога Януса есть и второе лицо. Это – лик мудреца и художника, философа и поэта, первооткрывателя тайн и целителя недугов человечества.

Лик смерти олицетворяет завоеватели и покорители. Кортес и Писсарро, Чингисхан и Ленин, Гитлер и Сталин, Джек-Потрошитель и Чикатило.

Лик жизни вечно освещается именами Конфуция и Азвентицы, Ньютона и Локисосова, Шекспира и Толстого, Рембрандта и Модарта, Фрейда и Павлова.

Лику Януса – это Христос и Антихрист.

Они живут в каждом народе и в каждом человеке. И только семья, только тот огромный, тихий и никогда несоненный труд, называемый воспитанием, дает жизнь одному за счет нравственной щедрости других. Так происходит второе рождение человека – зародыш того, кто стечением обстоятельств когда-то изберет либо тернистый путь Христа, либо огненную дорогу Антихриста.

Но – при одном неперемennom условии. Если он рожден с избытком энергии в душе своей. Люди изначально рождаются неединковыми. Энергия отца и матери может суммироваться в человеческом зародыше, а может и вычитаться друг из друга.

Мужчины стали агрессивными не потому, что так заглянула природа: львица агрессивнее льва. В течение миллионов лет выжидал сильнейший, и тихие мальчики не успевали давать потомства. Вспомним о том, что первым изобретением человечества была дубина.

Однако женщине нужна была не всякая агрессия, а лишь та, которая защищала ее и ее детей и доставляла им пищу. И пока мужчина бегал за добычей с дубиной в руках, женщина обихаживала своих детей и защищала свое гнездо. Любиль плач из этого гнезда мог привлечь хищника или агрессивного мужчину чужого рода и племени. И женщина убавляла детей, мычала им колыбельные и прилипала к груди перед ними, чтобы они угомонились. А потом научилась рассказывать сказки...

Так рождалось искусство. Оно

старше культуры и в общем-то почти не имеет к ней никакого отношения, почему Россия – та Россия, которая ушла в небо в крови и страданиях, – и называла ее жрица жрецов богемой.

А мужчина все еще бегал за монетами, тиская дубину в потной ладони. И в минуты отдыха не мычал песен, а подгонял дубину по руке, чтобы сподручнее было убивать.

Женщина – колыбель искусства и культуры, тогда как мужчина всего лишь исток цивилизации.

Мужчине изначально не нужны были фундаментальные основы культуры: мораль и право. Тот, кто уповает на дубину, не нуждается в законах.

Право, мораль и религия понадобились женщине, чтобы защитить себя и детей, не прибегая к силе. И в современных сообществах, растерявших мораль и пренебрегающих правами, зримо виден откат в те далекие времена, когда торжествовало только право силы. У зверей нет религии вовсе не потому, что в них не "вдохнула Душа Божья", а потому лишь, что у них нечего передавать потомству. Эту обязанность исполняет сама Природа. У человека инстинкты сведены к минимуму, чтобы максимально расширить поле деятельности разума и тех веками накопленных человеческих знаний внутренних законов общежития, которое и является культурой, столь часто именуемой душою в упрощенной форме. Вот оно-то и было тем яблоком, которое Ева протянула Адаму: библейские мудрецы прекрасно понимали, кому человечество обязано духовным прозрением.

Духовное прозрение человечества улиткой ползло по дороге времен, оставляя за собой кровавые следы, ибо самую большую часть своего существования человечество прожило в рабстве. Именно это постоянное ощущение, что человек – ничто, товар, который завтра купят или продадут, ощущение полной незащищенности и мучительной жажды освобождения от него если не при жизни, то хотя бы после нее, и породило культ единобожных религий. Он возник впервые в Иудее, но наиболее полно проявился еще в одной из его сект – секте ессеев, впоследствии давшей росток христианству, а позднее и исламу. Мечта о Рае, где все претерпевающие в этой жизни будут вознаграждены неземным блаженством, и аде, в котором будут вечно мучиться неправедные гонители и жестокосердечные унетатели. И это было не мнением, а компенсацией за страдания. Но чтобы достичь этого неземного блаженства, мало было просто унетанными: требовалась строгая, нравственная и кропотливая жизнь. Это идею особенно четко и последовательно проводили в жизнь религии всех конфессий, что и закрепило за ними представление, будто они одни и являются проводниками общечеловеческой морали.

Но это не совсем так. Бессспорно, принявшие единобожных религий сыграли огромную роль в постижении основополагающих принципов Добра и Зла. Однако воспевавшие эту акту религиозные войны как в форме крестовых походов, длительной борьбы меж ортодоксальным христианством и протестантизмом, так и в неприязни иных религиозных конфессий, которая, к примеру, в России продолжается и до сей поры, оставляя множество вдовцов.

На Руси православие византийского толка пробрало себе дорогу жестким повелением князя Владимира, мемом Добрыни Никитича да отгнем воевод Пугатяи. Языческие славянские племена долго и упорно сопротивлялись захватчикам русам, среди которых летописи неоднократно упоминает христиан. Христианской была и бабушка князя Владимира княгиня Ольга, хотя сам он долгое время оставался язычником, имевшим дюжину законных жен и, как утверждал летописец, несколько сот любовниц. Но это не мешало ему быть одним из самых мудрых и расчетливых политиков того бурного и жестокого времени.

Князь Владимир неукоснительно осознал иттенужность неустойчивости великого княжества, недавно созданного из разных племен и разных народов. Особенно часто поднимались славянские племена вятичей, радимичей, древлян, финских – мерь и весь. Ежегодно, а когда и дважды в год княжеские дружины "примучивали" непокорных, но они бунтовали снова и снова.

Необходимо было нечто единое для разноплеменных разноязычных народов, доставшихся ему в наследство. Этот цемент, связующий разные народы в единую державу, существовал почти во всех соседствующих государствах: иудизм в разгромленной его отцом князем Святославом могучей Хазарии, ислам – на юге, католицизм – на западе, православие – в Византии, с которой Русь связывали дипломатические и торговые отношения. Владимир выбрал из всего вышесказанного, что давало надежду на будущее – как империи, так и республике, – то Византия была одной из самых жестоких и кровавых деспотических держав раннего Средневековья. Поэтому страны Западной Европы получили право Римское, в основе которого лежала человеческая личность, тогда как Россия вместе с православием восприняла и основы права византийского, при котором интересы государства были всегда заведомо выше интересов его граждан.

Это византийское право господствовало на Руси почти тысячу лет. Тысячу лет Слово и Дело олицетворяли собою закон, суд, права граждан и отсутствие надежд на

ценностях мира сего. Но преувеличивать значение Церкви как института культуры мне представляется по крайней мере неуместным, и не опасным. Богу – боже, кесарю – кесарю. Великую Отечественную войну выиграли, как известно, атеисты. Даже искусство в конце двадцатого столетия в огромной степени утратило свою культурную миссию. Если в прошлом веке оно видело свою задачу прежде всего в консолидации всего общества, сая сочувствие и сострадание и помогая постигать сложности человеческих характеров, то ныне, с развитием средств массовой информации, оно куда с большим размахом и усердием занимается развлечением, в чем особенно преуспело телевидение.

Женские составляющие начала духовной жизни человеческого сообщества – и прежде всего религия и искусство, – заложив основы взаимопонимания, мира и согласия, стали отставать от мужского ве начала с развитием высоких технологий, позволивших заменить охоту и примитивные земледельческие инстинкты добычей средств существования. Упомянув говоря, мужички победит, создав цивилизацию, те основы культуры, которые были заложены женщиной. Равновесие было нарушено, и история векового унетения женщин лишь подтверждает этот вывод. Равновесие было найдено в общей морали и общем праве как для мужчин, так и для женщин.

Кстати сказать, если сами понятия морали и нравственности еще не совсем исчезли в нашем обществе, то упоминание о них в прессы, а уж тем паче по телевидению стало редчайшим событием. Случайно ли это?

Боюсь, что, скорее, закономерное. Это, скорее, признак исчезновения этих понятий, признание за ними то ли чего-то субито второстепенного, то ли не совсем, что ли, современного в том болоте аморальности и безнравственности толпы, который грязной волной накрывает у нас почти все программы телевидения и тучи расплодившейся, как навозные мухи, книжной продукции, часто выступающей под прикритым псевдонаучной популярностью или дешевой беллетристики. Почему и позволю себе напомнить что есть что.

Мораль – внутренний закон сосуществования человеческого сообщества, основанный на исторических обычаях, привычках, религии, свойственном данному народу менталитета и т.п.

Нравственность – внутренний закон семьи, основанный на традициях, привычках, запретах и семейном воспитании, что дает обладающему нравственностью человеку остаться нравственным и в аморальном сообществе. Русская интеллигенция осталась интеллигентной и в сталинских концлагерях.

В особенности это касается христианства невизантийского толка, потому что вместе с христианством народы получали и основы гражданского права. И если Рим имел в своем прошлом различные формы правления – как империи, так и республики, – то Византия была одной из самых жестоких и кровавых деспотических держав раннего Средневековья. Поэтому страны Западной Европы получили право Римское, в основе которого лежала человеческая личность, тогда как Россия вместе с православием восприняла и основы права византийского, при котором интересы государства были всегда заведомо выше интересов его граждан.

Это византийское право господствовало на Руси почти тысячу лет. Тысячу лет Слово и Дело олицетворяли собою закон, суд, права граждан и отсутствие надежд на

справедливость. Девять тысяч стрельцов, зарезанных на Красной площади по личному повелению Петра Первого, – всего лишь один из примеров торжества византийского права. Кстати, именно по этой причине Москва не ставила Петру памятников. Нужно было напрочь забыть историю собственного народа, чтобы памятник одному из самых кровавых деспотов человечества вознес на над историей нашего народа, над Кремлем, Москвою и – нами. Сегодняшними.

Судебные реформы Александра Второго – единственного мирного реформатора за всю кровавую историю России – наконец-то отменили этот чудовищный пережиток раннего Средневековья, и в этом – одна из основных причин убийства государя интеллигентом. Большие Россия – в наказание – не получит ни одного правителя, хоть сколько-нибудь, даже в самой малой степени претендующего на интеллигентность. То большинство, которое в конечном итоге победило на Руси, ненавидит интеллигенцию, хотя когда-то это унитоженное ими же меньшинство гордило его, как величайшим общенародным достоянием.

Мировые религии есть первые системные культуры, противостоящие агрессии. Они – все без исключения! – построены на запретах, на табу, и запреты эти столь же агрессивны, сколь агрессивно религиозное понятие греха, нарушения системы. Они предполагают жесточайшее наказание вплоть до лишения Царства Божия, Рая, отпущения грехов отмоливши, а в начале своего пиришества – и физическое терзание вплоть до смерти олушника – вспомним Джордано Бруно. Отступничество каралось беспощадно, но религиозная система – отдадим дань временам – была единственной плетью, способной задержать человеческое сползание в столю.

Русская Церковь предложила систему семейного воспитания. Жесткую, порою жестокую, всегда бескомпромиссную и суровую, но систему. Разрушения Церкви разрушили и систему ее отработанного семейного воспитания, подрастающее поколение. Исчезли запреты и табу, и стадо людское разбежалось по животворным нивам и пастбищам, грабя и ворюя, своресновло и богоухотству, издеваясь над слабыми и пресмыкаясь пред сильными мира сего.

Так рухнул главный Завет поколений.

Это не я тороплюсь. Это вскачь несется птица-тройка с окончательно обезумевшим Селиваном на козлах.

История не терпит сослагательного наклонения, однако государь Александр Второй ехал подписывать Конституцию. И если бы не бомба Гриневичского... Нет, нет, история не терпит иного: она не терпит вторжения человека в свое развитие. За проявлением личной совенранной воли следует наказание, растнутое во времени. Наказание не для покаяния свершивших преступление пред судьбою преданческой, а для их внуков, правнуков, праправнуков... до седьмого колена. Отсчитайте, на кого придется это седьмое колесо. Если полагать, как полагают демографы, что в столетие укладывается три поколения, то есть три колена, то России ждать искупления вины еще около ста пятидесяти лет. Полтора века. Да мы за это время собственную азбуку забудем, судя по телевизионному напору...

Ничто не проходит бесследно. Логика истории итстит за вторжение в ее внутреннюю стабильность –

мы доказали это собственным кровавым опытом. Собственной судьбой своего собственного народа.

Речь не идет об убийстве помазанника Божия, хотя и этого я не беру окончательное сбрасывать со счетов. Речь идет о вторжении в историю этой человеческой воли, исходящей не из необходимости, а из теоретического постулата. Из самодовольного убеждения, что внутренними историческими процессами можно управлять.

Александр Второй был убит 1 марта 1881 года. Через 36 лет и почти день в день рухнула российская монархия. Еще через год и пять месяцев был расстрелян внук Александра Второго Николай Второй вместе с детьми и женой Александрой Федоровной.

Так началась Эра Проклятия. История России выпала из естественного всемирного потока, мутной кровавой рекой затопив ее ни в чем не повинный народ.

Только неповинный ли?.. И можно ли быть неповинным, старательно исполняя приказы соваришавших с привязи пристяжных?..

Сергей Львович Толстой в своих воспоминаниях ("Очерки былого") приводит любопытное мнение Л.Н. Толстого:

"О степени культурности страны следует судить не по распространению грамотности и образованности среди массы, а по степени образованности высшего слоя населения".

Толстой предугадал один из основных аргументов строителей канализации собственной Истории, в результате которой текущая по естественному руслу река Истории заилилась, обмелела и заболотилась среди множества искусственных плотин, затонь и неестественных проток, прямых, как солдатский штык. А со всех трибун кричат о чуть ли не поголовном высшем образовании, и не подозревая, что любое самое разсыское знание есть всего лишь вторая ступенька лестницы, ведущей к озарению. И если первая ступень познания – представление о предмете – дается жизненным опытом, вторая – знание предмета – считывается с чужих мыслей, то третья – понимание предмета – есть результат собственных размышлений на фундаменте гуманитарных наук и философии в первую очередь. Именно это и имел в виду бестелесный Козьма Прутков, когда, что "специалист подобен флюсу".

Почему музыку России слышали во всем мире? Потому что звучал оркестр. Город играл на фортепиано, в деревне заливалась гармонь, а оказывалась меж ними обыватель тренькал на гитаре. А на чем играем мы? А мы уже не играем, мы слушаем, как играют другие. У нас исчезла мелодия жизни. Ее разорвала Гражданская война, ее загнули стоны концлагерей, ее раздергали дирижеры, лихорадочно перелипывая партитуру. И музыка заглохла в наших душах.

Из нас наружу рвется матерщина, перемежаемая уголовными воплями.

Не знаю, существует ли гениальная память, но я почему-то ощущаю себя скорее человеком конца XIX столетия, нежели XX. В котором не только родился, но – и это самое главное – выжил. Это нечеловеческий, этот звериный глагол приходится употреблять, потому что люди в России Советской не жили, а выжидали. Вопреки.

Вопреки бабушка накрывала на стол так, как накрывали его в семьях провинциальной интеллигенции. Приборы, тарелки, салфетки. А на завтрак – по кусочку хлеба, поджаренного на лыняном масле. Или – мамин кулеш: болтушка из ржаной муки с отрубями, поджаренная на крохотных

мы доказали это собственным кровавым опытом. Собственной судьбой своего собственного народа.

Речь не идет об убийстве помазанника Божия, хотя и этого я не беру окончательное сбрасывать со счетов. Речь идет о вторжении в историю этой человеческой воли, исходящей не из необходимости, а из теоретического постулата. Из самодовольного убеждения, что внутренними историческими процессами можно управлять.

Александр Второй был убит 1 марта 1881 года. Через 36 лет и почти день в день рухнула российская монархия. Еще через год и пять месяцев был расстрелян внук Александра Второго Николай Второй вместе с детьми и женой Александрой Федоровной.

Так началась Эра Проклятия. История России выпала из естественного всемирного потока, мутной кровавой рекой затопив ее ни в чем не повинный народ.

Только неповинный ли?.. И можно ли быть неповинным, старательно исполняя приказы соваришавших с привязи пристяжных?..

Сергей Львович Толстой в своих воспоминаниях ("Очерки былого") приводит любопытное мнение Л.Н. Толстого:

"О степени культурности страны следует судить не по распространению грамотности и образованности среди массы, а по степени образованности высшего слоя населения".

Толстой предугадал один из основных аргументов строителей канализации собственной Истории, в результате которой текущая по естественному руслу река Истории заилилась, обмелела и заболотилась среди множества искусственных плотин, затонь и неестественных проток, прямых, как солдатский штык. А со всех трибун кричат о чуть ли не поголовном высшем образовании, и не подозревая, что любое самое разсыское знание есть всего лишь вторая ступенька лестницы, ведущей к озарению. И если первая ступень познания – представление о предмете – дается жизненным опытом, вторая – знание предмета – считывается с чужих мыслей, то третья – понимание предмета – есть результат собственных размышлений на фундаменте гуманитарных наук и философии в первую очередь. Именно это и имел в виду бестелесный Козьма Прутков, когда, что "специалист подобен флюсу".

Почему музыку России слышали во всем мире? Потому что звучал оркестр. Город играл на фортепиано, в деревне заливалась гармонь, а оказывалась меж ними обыватель тренькал на гитаре. А на чем играем мы? А мы уже не играем, мы слушаем, как играют другие. У нас исчезла мелодия жизни. Ее разорвала Гражданская война, ее загнули стоны концлагерей, ее раздергали дирижеры, лихорадочно перелипывая партитуру. И музыка заглохла в наших душах.

Из нас наружу рвется матерщина, перемежаемая уголовными воплями.

Не знаю, существует ли гениальная память, но я почему-то ощущаю себя скорее человеком конца XIX столетия, нежели XX. В котором не только родился, но – и это самое главное – выжил. Это нечеловеческий, этот звериный глагол приходится употреблять, потому что люди в России Советской не жили, а выжидали. Вопреки.

Вопреки бабушка накрывала на стол так, как накрывали его в семьях провинциальной интеллигенции. Приборы, тарелки, салфетки. А на завтрак – по кусочку хлеба, поджаренного на лыняном масле. Или – мамин кулеш: болтушка из ржаной муки с отрубями, поджаренная на крохотных

потому и сделал все, от него зависящее, чтобы его Отечество проиграло свою Отечественную.

По всем юридическим, моральным, религиозным и просто понятиям порядочности сама мысль об этом была изменой. Приходила ли эта мысль в голову человеку, воспитанному в провинциальной, многодетной семье, которую кормил отец, работавший зотю усердно и старательно, что получил за свой труд потомственное дворянство? Какое там! Любимец Богоденка шел своим путем. Путем чудовищно безнравственным и чудовищно преступным. Сам познуг о превращении войны империалистической в войну гражданскую уже содержал в себе уголовное деяние, за которое в военное время полагался расстрел.

Огромные потери русской армии – свыше четырех миллионов в первые годы войны – подтолкнули почву для разложения всей России как воющей, так и не воющей. Неграмотные, темные массы большинства населения не понимали и не могли понимать никаких политических лозунгов, зато они отлично воспринимали обещания будущего пришествия царства справедливости на Русь, когда воздастся за их потери, голод, горе и неустрашность. Призрак Беловодья сиял пред солдатами глазами, как берег земли обетованной.

Весь двадцатый век мы плыли поперек исторического течения, бросившись в поток 1 марта 1881 года. Февраль 17-го давал маленький шанс опомниться и развернуться по течению, но Россия в массе своей не умеет мыслить. Зато прекрасно заучивает слова.

Еще в первой Большой Советской Энциклопедии события Октября семнадцатого именовались Октябрьским переворотом. А мы заучили – Великая Октябрьская революция.

Лгали все: вожди и секретари разного достоинства, газеты и радио, литература и кинематограф. К примеру, в фильме "Ленин в Октябре" в кабинет, где министры Временного правительства спокойно ожидали, когда же, наконец, их сменил новая власть, входил какой-то внештатный персонаж, хотя в действительности это был легендарный Владимир Александрович Антонов-Овсеенко, расстрелянный 6 февраля 1938 года через три часа после вынесения приговора и на два часа позже своей жены Софьи Ивановны. История и доклады различных рангов, искусства и литература лгали четверть века, а молчали об этом вообще до окончания советской власти.

Горький когда-то сказал вещь слова: "Любе – религия рабов и хозяев". И эту религию мы исповедуем до сей поры. Эту. А не православие, не ислам, не католицизм, не иудаизм. Потому что во всех этих религиях ложь полагается тяжким грехом.

А ведь когда-то Россия говорила правду. Та Россия, к которой по моему глубочайшему внутреннему ощущению я принадлежу.

Мне с самого нежного возраста категорически запрещалось лгать: мама уверяла, что правда во все равно будет написана у меня на лбу. А я ей верил, потому что никогда не слышал от нее ни одного слова неправды. А озорство, шалость, детские проступки так хотелось скрыть, что я говорил неправду, но всегда при этом прикрывал ладошкой лоб. И мама почему-то безошибочно угадывала, что я ее обманываю.

Я прожил долгую жизнь, и в ней, конечно же, приходилось лгать. Но при этом моя левая рука неумолимо тянется ко лбу. Нет, я уже не признаю его, я делаю вид, что этого лба не существует. Но потому, что я такой уж хороший. А потому, что меня хорошо и, главное, строго воспитывали.

Вам не кажется, что мы заменили воспитание образованием?.. И почему-то ведаем это за величайшее достижение. У нас и вправду нет неправоты. А воспитанных вы часто встречали?

Все смешалось в нашем доме. Настолько, что дом, наш родной общий ДОМ стал пугающе похож на гостиницу. Кто-то живет в номерах "люкс", кто-то – в номерах рангом пониже, а кто-то ютится в общих с туалетом в конце коридора. Вы полагаете, что это признак ньюкапитализма? Нет, это знак безнравственности, тавро, выжженное советской властью на долгие, долгие времена. На полтора столетия, пока История не простит нам нашего вмешательства в ее поступательное движение.

На свете существовали народы и государства без крестьянства: их заменяли рабы. Существовали и без рабочего класса, и без регулярной армии, и без полиции с милицией. Но нам неизвестно ни одного человеческого сообщества без интеллигенции, как бы тогда она ни называлась – правящей элитой, жреческой или шаманской группой, знахарями или лекарями, наставниками или руководителями. Почитайте историю народов или хотя бы России: там все это есть. А прочитав, сами сделайте вывод:

БЕЗ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ НЕВОЗМОЖНО СУЩЕСТВОВАНИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО СООБЩЕСТВА. Это –